

ШКОЛЫ «ВЗАИМНОГО ОБУЧЕНИЯ» В РОССИИ: Уильям Аллен, царь Александр I и английские связи

И впрямь с ума сойдёшь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.
А.С. Грибоедов. Горе от ума.
Действ. 3, явл. 21

Сколько людей среди зрителей XXI века воспримут ремарку Хлёстовой из знаменитой комедии Грибоедова и сколько из них поймут её язвительные высказывания? Что театралы 1820-х годов знали о «взаимном обучении» и что означает слово «ланкарточное» в этом контексте? Ответы на эти вопросы приоткрывает любопытный эпизод из истории образования в России. Речь пойдёт о скромном английском бизнесмене и его необычной дружбе с российским царём. Этот бизнесмен в сопровождении своего американского друга французского происхождения приехал в Россию с целью, как бы мы сказали сейчас, установления культурных и образовательных связей. Оба они входили в состав религиозного Общества друзей, известных как «квакеры», и были убеждены в том, что образование откроет дорогу настоящей религии среди тех, кто её принял. История их поездки, посещения русских школ, их дружбы с императором заслуживает внимания.

Джеймс Макл,
Университет
Ноттингема,
Великобритания

«Взаимное обучение» было, конечно, никаким не «ланкарточным», а «ланкастерским». Это слово происходит не от названия английского города Ланкастер, а от фамилии английского деятеля образования Джозефа Ланкастера (1778–1838), который вместе с шотландским педагогом Эндрю Беллом (1753–1832) предложил эффективную систему обучения для большого количества детей, а позже и взрослых. Их метод предполагал одновременное обучение до тысячи учащихся, сидящих рядами в одном помещении. Старшие учащиеся — мониторы — получали порцию учебного материала, чтобы затем передать её в ходе обучения младшим в закреплённом за ними ряду. Белл, шотландец по происхождению, священнослужитель англиканской церкви, разработал этот метод обучения, когда в своей миссионерской деятельности обучал детей в сиротском приюте в Мадрасе, в Индии. Ланкастер открыл точно такую же школу в Лондоне [1]. Система стала популярной прежде всего благодаря низкой стоимости обучения: один учитель мог обучать десятки и даже сотни учащихся. Британские филантропы создали два комитета содействия ланкастерским школам.

Ланкастер отличался импульсивностью, бескомпромиссностью вплоть до нетерпимости и неумением вести денежные дела. В 1818 году он перебрался в Соединённые Штаты Америки, где его работа получила широкую известность. В 1825 году приехал по официальному приглашению в Венесуэлу, но вскоре рассорился с принимающей стороной и возвратился в Северную Америку. Система его, однако, стала популярной во многих странах, и не в последнюю очередь в России, где декабристы отдавали предпочтение этому типу школ [2]. В Британии группа влиятельных людей создала организацию, известную как Королевское ланкастерское общество, позже переименованное в Британское и зарубежное школьное общество (БЗШО), с целью развития ланкастерской системы, уже после того, как сам Ланкастер прервал всякие связи со сторонниками его идеи.

Социальный и образовательный контекст

Социальная история Британии XIX века отмечена взрывом филантропической активности со стороны ряда выдающихся людей. Движимые высокими христианскими убеждениями и чувством социального долга, они неустанно выступали за отмену рабства, за реформу тюрем, больницы обслуживания, за улучшение условий работы на фабриках, за создание христианских миссий, распространение Библии, опеку над сиротами и развитие массового образования. Эта филантропическая активность проявилась и в маленькой британской общине в Санкт-Петербурге, численностью около двух тысяч, особенно в период примерно с 1815 по 1825 год. Среди британцев, проживающих в российской столице, было немало способных, благочестивых и отзывчивых людей, таких, как Джон Паттерсон [3], Ричард Нил, Уолтер и Джон Веннинги, Эбenezер Гендерсон, Роберт Пинкертон, Сара Килхам, Джеймс Хёрд и Даниел Вилер. В своём труде на благо образования, ради обездоленных, страждущих, заключённых и душевнобольных такие люди должны были иметь немалую энергию, мужество и решимость.

Как иностранцы, они могли привлечь к себе больше внимания, чем это получалось у русских. К ним прислушивался император, что способствовало деятельности и их русских единомышленников. Они поддерживали тесные связи с родной Британией и их деятельность находила подкрепление в лице визитёров и новых иммигрантов оттуда.

Уильям Аллен, Стивен Греллет и царь Александр

Знаменательный визит из Англии в Россию в 1818—1819 гг. двух членов Общества друзей Уильяма Аллена (1770—1843) и Стивена Греллета (1773—1855) — предмет нашей статьи. Аллен был англичанином. Греллет родил-

ся во Франции, был гражданином Соединённых Штатов и имел тесные связи с Англией. Они приехали посмотреть русские школы, а также другие учреждения, чтобы представить царю доклад об увиденном и содействовать развитию образования для бедных. Мы попробуем возвратиться к событиям их визита, посещению школ в контексте их общих целей поездки в Россию и прокомментировать отношения Аллена с императором Александром I, получившими характер необычайной близости. И хотя жизнь насаждаемых Алленом и Греллетом школ оказалась не долговечной, тем не менее их история необычайна и интересна хотя бы как пример давних образовательных связей между Британией и Россией. Аллен и Греллет стремились развивать дело образования не для элиты, а для широких масс населения. Аллен, преуспевающий аптекарь, был хорошо известен в английских образовательных кругах как один из членов комитета состоятельных деловых людей в Британском и зарубежном школьном обществе, целью которого было развитие ланкастерской системы обучения. Аллен и Греллет хотели также подтолкнуть реформу тюремных и медицинских учреждений в России. Всё это было возможно лишь при поддержке императора, желание которого улучшить положение дел в этой сфере в то время было очевидно.

Александр I вызывал в Британии чувства восхищения после войны с Наполеоном. Немало простых британских граждан слали царю подарки и письма, так же как сегодня посылают членам королевской семьи подарки и письма «от почитателей». Во время визита императора Александра в Англию в 1814 году его буквально осаждали поклонники на улицах, где он появлялся. Некоторые из христианских активистов, будучи хорошо осведомлёнными о религиозных пристрастиях царя, видели в России благодатную почву для распространения Библии и другой христианской литературы. Считалось, что, как и в самой Британии, это должно было способствовать распространению грамотности среди десятков миллионов людей, которые не умели читать. Из-за боязни задеть Русскую православную церковь Патерсон и его сподвижники решили печатать Библию исключительно на языках протестантских общин, имеющих в Российской империи, но по настоянию Александра I и передовой части русского священства был начат перевод Библии на русский язык.

Британское и зарубежное школьное общество формально не было связано с Британским и зарубежным библейским обществом (БЗБО), несмотря на сходство в их названиях. БЗБО стремилось к распространению Писания без комментариев с убеждением, типичным для протестанта, что Оно будет говорить само за себя, без какого-либо посредничества клириков. Российское Библейское общество было основано с теми же целями [4]. Основная цель Британского и зарубежного школьного общества была, естественно, религиозной, как и БЗБО, и она привела их к довольно острому конфликту с теми представителями господствующей

церкви в Англии, которые рассматривали школу как средство распространения прежде всего англиканства. Возможность такого же конфликта с государственной церковью в России была более вероятной, чем где бы то ни было.

История ланкастерских школ в России раскрыта с западной точки зрения в двух замечательных статьях — Барри Холлингсворта и Юдит Зацек [5], дающих представление об этом образовательном движении. И начало, и конец ланкастерских школ были стремительными: их упадок начался ещё до кончины Александра I в 1925 году. Точно неизвестно, сколько же ланкастерских школ существовало на пике их развития [6].

Согласно Холлингворту, в 1827 году их насчитывалось 213. По мнению советских историков, ланкастерская система не получила широкого распространения в России, так что для прояснения ситуации необходимы дополнительные исследования [7].

Впервые Аллен встретился с Александром I в Лондоне. По просьбе царя Аллен сопровождал его 19 июня 1814 года в Вестминстер на квакерское «собрание» — так называются встречи квакеров для молитв, обрядов и медитации. Двумя днями позже Аллен, Греллет и Джон Вилькинсон получили аудиенцию у царя в течение часа, где обсуждались религиозные проблемы. Все трое оставили подробные отчёты о встрече: у Аллена и Греллета в их биографиях [8], а с не менее интересным отчётом Вилкинсон можно ознакомиться в рукописи в библиотеке Дома друзей в Лондоне [9]. Через несколько дней они обратились с посланием к царю, говоря о том, что возносят самые горячие молитвы за его деяния во имя мира, подчёркивая единство квакеров со всеми христианами если и не во всех обрядах, то в вере. Они выражали полную поддержку Александру I в его желании распространить Писание в России и улучшить состояние дел его подданных. Это привело к установлению постоянных контактов с графом Ливеном — послом России в Лондоне, к посещению русскими деятелями образования ланкастерских школ, к обмену образовательной литературой, а также к планам Греллета отправиться в длительную поездку в Россию. Предложение о поездке исходило от самого царя. В отчёте о встрече с царём в 1814 году Джон Вилкинсон приводит слова Александра I: «Почему никто из ваших людей не был в России? Если кто-либо из вас придет в мою страну с религиозными целями, пусть не ожидает, когда его представят, а сразу приходит ко мне. Я буду счастлив увидеть его». Аллен в своём отчёте добавляет к этому: «Я сделаю всё для поддержки ваших взглядов». Аллен и Греллет отправились в путь морем 15 августа 1818 года и прибыли в Санкт-Петербург 11 ноября.

Аллен и Греллет в России

История их поездки изложена в биографиях обоих путешественников. Она была удивительно рискованной и смелой. До прибытия в Петербург они провели шесть недель в Финляндии, в столице

же оказались лютой зимой, а затем в середине марта 1819 года отправились в Москву и далее на юг. Они преодолели сотни миль в кибитке, которую Аллен по незнанию русского языка называл забавно «кабицки». Если у них не было возможности найти пристанище, они ночевали в повозке. Оба пытались освоить русский язык.

За сто двадцать лет до этого Пётр Великий нанял трёх британских учителей для руководства школой в Москве по образцу Королевской математической школы, и визит Аллена и его спутников можно рассматривать как возобновление британского участия в делах российского образования. Их поездка, вероятно, была первой, имеющей целью ознакомиться с образовательными учреждениями в России и подготовить доклад об их состоянии. Она совпала с ростом популярности в Европе и Америке сравнительной и зарубежной педагогики и общественного интереса к созданию национальных систем школьного образования. Английские путешественники посетили различные заведения в столице российской империи, в Твери, Москве, Туле, Орле, Курске, Харькове, Екатеринославе, Перекопе, Севастополе, Симферополе, Феодосии, Херсоне, Николаеве, Одессе, а также в сельских местностях. Они побывали в тюрьмах, больницах, в приютах для душевнобольных, монастырях, богадельнях, сиротских приютах, а также в школах. В «Жизни Уильяма Аллена» говорится о посещении 37 школ. Среди них были училища военные, уездные, пансионы, школы для сирот, «мещанские», сельские, для подкидышей, воскресные, сектантские, еврейские, татарские, греческие, армянские и мусульманские школы, школы для глухих, гимназии, лицей и несколько типов школ для девочек. Поездка заняла около четырёх месяцев. В обратный путь они отправились из Одессы 8 июля 1819 года.

Судя по их заметкам, они преследовали не только образовательные, но и проповеднические цели, а также пропагандировали ланкастерский метод

взаимного обучения с твёрдым убеждением, что такого рода образование укрепит религиозную жизнь простого народа, его материальное благополучие. В наброске плана Аллена по развитию школ в России, представленном им в Филантропическом обществе Петербурга через несколько недель после того, как он удостоился чести быть избранным в него в качестве зарубежного члена, он заявил, что «великая задача» его поездки основывается на благих религиозных принципах и заключается в том, чтобы наполнять учащихся чувствами добродетели и развивать их способности, «...привычку к труду, порядку и субординации». По его мнению, важно было и то, чтобы учителя имели либеральный склад ума и соединяли в себе добросердечие и твёрдость. Слово «либеральный» означало в то время для русского человека совсем не то, что имел в виду Аллен, и использование его, вероятно, вызывало неприятие в одних домах и избыточные надежды в других. Сам он был открыт русским идеям: «Я заявил графу Кочубею, что если мы обнаружим в посещаемых заведениях что-то полезное для наших стран, мы будем счастливы заимствовать это, или, если мы сможем сообщить здесь что-то полезное из нашего опыта или знаний, мы также с удовольствием сделаем это».

И хотя Аллен не был в курсе всех тонкостей российской образовательной политики, он тем не менее проявил незаурядную проницательность в оценках посещаемых им школ, а также способность высказывать свои суждения российской стороне прямо и с большой долей такта. Нет сомнения, что к его точке зрения прислушивались. «Наши обращения к соответствующим должностным лицам улучшили возможности смягчения человеческих страданий», — писали они в Общество друзей в Лондоне [10]. Из их донесений, а также из отрывка мемуаров Паттерсона видно, что идея просвещения народных масс находила мощное противодействие у многих представителей знати и правительства [11]. Личное знаком-

ство Аллена с русским царём и почести, которые ему оказывались, стали мощным политическим оружием в арсенале либерально-гуманистических российских общественных деятелей, которые разделяли цели визитёров из Британии. К их сожалению, они не очень долго были в фаворе. В 1822 году противники просвещения снова заняли доминирующие позиции во власти, хотя и не всё доброе было немедленно уничтожено.

Аллен и Греллет были приняты Александром I в Петербурге 10 февраля и 14 марта 1819 года, а почтенной вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, царственной попечительницей женских школ, — 14 февраля. Они обещали представить императору и его матери отчёт обо всём, что увидят, и сделали это. Полная версия этого доклада пропала и точно неизвестно, каким он был по объёму и отдельным деталям. Выдержки из него были опубликованы в «Жизни Уильяма Аллена», а мемуары Греллета дают лишь отдельные указания на его содержание. Неизвестно, сколько на самом деле докладов было отправлено в Петербург. Один доклад был послан царю из Москвы в апреле 1819 года. В июне Аллен делает пометку в своём дневнике о необходимости ланкастерских школ в Севастополе с припиской: «Мы должны отметить это в нашем докладе в Петербурге». Аллен и Греллет писали: «Мы восприняли как наш долг ещё раз написать императору и его преданному сотруднику — благочестивому князю Галитцену (так в оригинале), а также матери-императрице, сообщая им такие сведения о наших наблюдениях от Москвы и до Одессы, которые мы сочли уместными, стремясь тем самым укрепить их решимость и волю к благим делам». В июле, уже после отъезда из Одессы, Аллен сообщает в дневнике: «Мы подготовили наш доклад императору», а в дневнике Греллета от 28 июня упоминаются этот доклад и доклад вдовствующей императрице. В первом ничего не сказано о школах, а во втором высказывается озабоченность нехваткой женских школ и высоким уровнем смертности в больницах. Всего было пять или шесть писем или докладов и по меньшей мере в трёх из них речь идёт об образовании.

Мне не удалось отыскать следов этих докладов Аллена. Вероятно, кто-нибудь из учёных отыщет их в Российском государственном архиве. Докладов нет и в архивах БЗШО [13].

Тем не менее мы можем составить общее представление из дневниковых записей, о чём могли говорить в своих письмах и докладах Аллен и Греллет. Наши выводы основываются на дневниках. В них тепло оцениваются чистые школы с хорошими учебными комнатами, с тщательно подобранным оборудованием и учебными материалами. Такие школы они находили во многих местах. Уездное училище Курска описывается ими как самое лучшее. Аллен при этом упоминал библиотеку и отмечал: «Здесь, должно быть, работает мыслящий человек». Путешественники отдавали должное «строгому следованию разумному порядку», «хорошей дисциплине в классах» и «заботливому присмотру за отдыхом» учащихся. Если же они видели грязные и запущенные здания, как это было с гимназией в Москве, они тут

же говорили об этом. Они высказывали слова похвалы школам, где заботились о нравственном здоровье учащихся, равно как и дающим полезные знания. Путешественники верили в то, что знания и умения ведут к воспитанию добронравия и ими нельзя пренебрегать. Аллен пришёл к выводу, что многое из учебных программ, по которым обучались благородные девицы в Смольном институте, вполне можно было бы использовать и для обучения бедных девушек. Снова и снова он сетует, что образование этого слоя общества «повсюду в большом небрежении». Его требования, предъявляемые хорошему учителю, опережали своё время: хорошо организованный ум, вера, истина, искренность, способность управлять с помощью любви, а не страха, а также знание человеческой природы. Он высоко ценил хорошее преподавание, если видел его, но при этом отчётливо сознавал, что само по себе этого недостаточно. Примечательны его заявления о том, что школьный персонал должен излучать сердечность и дружелюбие и не делать ничего, что бы вносило разлад в школьные отношения. И домашняя прислуга должна также являть пример доброго поведения детям. Если школы дурно управляются, это является следствием недосмотра со стороны ответственных лиц, и он рекомендовал создавать дамские комитеты для наблюдения за женскими школами.

Примечательно то, насколько открыты были многие российские официальные лица тем идеям, которые выдвигали визитёры из-за рубежа. Аллен набросал планы по совершенствованию управления школами и, по крайней мере, в одном случае такой план был претворён в жизнь ещё до его отъезда из России. Аллен и его единомышленники начали в Петербурге работу по подбору отрывков из Библии для чтения, когда он пришёл к выводу, что тексты, используемые в нескольких школах, были нравственно «опасными». Греллет в своём дневнике приводит «безбожное» и «непристойное» высказывание Цицерона: «Если жизнь становится неспособной, то величие души будет в том, чтобы уйти из неё». По распоряжению царя их материалы становятся единственно разрешённой хрестоматией. Граф Кочубей сказал Паттерсону: «Именно то, что Вы иностранец, позволяет Вам делать то, что мы не осмеливаемся делать» [14]. В отношении образования масс... даже просвещённый граф Ливен имел сначала некоторые предубеждения. Князь Голицин и Попов, скорее, нерешительно противились, чем выступали против... Пока не стала известна позиция императора, никто не отважился покровительствовать нашим друзьям, то есть Аллену и Греллету» [15]. Всё это служит прекрасной иллюстрацией властных отношений в российском образовании того времени: инновации и перемены были невозможны без поддержки на самом высоком уровне, прежде всего царской семьи. Аллен сообщает, что он встречал многих, которые скептически или крайне неодобрительно воспринимали идеи массового образования, а спустя несколько лет после своей поездки он признавался с досадой в дневнике, что эти голоса имели поддержку в верхах.

Встречи с царём

Именно дружба Аллена с Александром I стала примечательным явлением в «Жизни Уильяма Аллена» и имела решающее значение для визита 1818–1819 годов, а также для расцвета ланкастерских школ. «Жизнь...» содержит подробное содержание бесед Аллена с царём в 1814, 1819 и 1822 годах. Дружба поддерживалась перепиской. При каждом удобном случае доходило до духовных размышлений и молитв, и всё это не было пустой формальностью, но сутью встреч. Нет сомнения в том, что император выделял Аллена, Греллета и Даниэля Вилера среди квакеров и сотрудников в России [16]. Другие, прежде всего британские протестанты, такие, как Паттерсон, пользовались доверием и расположением царя, а Джон Веннинг стал «личным другом царя» [17]. Среди иностранцев, не проживающих постоянно в России, Аллен, кажется, пользовался особым вниманием Александра I. Откровенность, с которой Аллен говорил с Александром I о его политических и иных обязанностях, о его разногласиях с императором касательно будоражащих слухов о состоянии правления в империи, просто поразительна, равно как и терпимость, с которой царь принимал критику, даже если, как это свидетельствует Холлингворт, он не всегда был столь откровенен, как Аллен [18].

Встречи с Александром достигли своей кульминации в четырёх эпизодах в Вене (28 сентября и 1 октября) и в Вероне (26 и 31 октября) в 1822 году [19]. Аллен предпринял специальную поездку с намерением затронуть в беседах с царём широкий круг вопросов. Крепостничество и подневольный труд, политика в отношении Африки и борьба греков за независимость, российская нетерпимость в отношении собственных религиозных меньшинств, проблемы коррупции и алкоголизма в российском обществе, а также другие вопросы внутренней и международной жизни России стали предметом обмена мнений между Алленом

и императором. Глубокую озабоченность у Аллена вызывали сообщения и слухи о неважном состоянии дел с распространением Библии и образования. Здесь, наконец, стало очевидным, хотя и не в полной мере для самого Аллена, что чрезвычайная набожность царя вовсе не стала источником его активной христианской деятельности, но убежищем, отдушиной, оправданием неиспользования властных действий в соответствии со своими убеждениями.

Примечательно, что в эти последние встречи Александр I не возражал против требований Аллена. «Он открыл мне своё сердце, рассказал о своих переживаниях и колебаниях, сравнивая их с жалом во плоти, как то описывает апостол». Переполненный христианским сочувствием, Аллен признал наличие трудностей у императора и остался убеждённым в его искренности.

Почему царь с такой лёгкостью пошёл на тесную дружбу с Алленом? Александр использовал Аллена в качестве доверенного лица и говорил ему: «Я не только уважаю, но и люблю Вас от всей глубины моего сердца». Аллен же, в свою очередь, говорил царю, что верит в то, что «наш Господь послал меня, чтобы утешить и поддержать Вас». Во время всех последних встреч оба обменивались самыми сокровенными религиозными мыслями и молились. Александр страстно стремился получить религиозную «весть» от Аллена и заявил в конце последней встречи: «Это именно то, что я хотел получить» (в алленовской «Жизни...» это выделено курсивом). Почему царь так высоко оценивал Аллена? Может быть, Аллен и его зарубежные друзья-квакеры, в отличие почти от всех, с кем царю приходилось иметь дело, не воспринимались как угроза политическая, религиозная или психологическая? Аллен был выдающимся человеком. Все трое — Даниэль Вилер, Патерсон и Джон Веннинг — говорят о том, каким очаровательным человеком был Аллен и какие чувства симпатии он вызывал у всех людей доброй воли, с которыми он когда-либо встречался [20]. Аллен отличался исключительной серьёзностью

и вместе с тем у него совсем не было проявлений произвола или фанатизма, присущих некоторым из друзей Александра I, таким, как баронесса Крюденер или архимандрит Фотий. Более того, частная жизнь Аллена, в отличие от них и от Александра, была безупречной. На портрете Аллена мы видим круглое, симпатичное лицо, серьёзное, но очень живое. В мемуарах Патерсона есть примечательный пассаж, в котором он передаёт высказывание Александра I: «Боже, как бы мне хотелось всегда иметь таких людей, как эти, которые бы говорили мне всегда правду». Аллен делал это в силу своих выдающихся способностей, и они были значительны. Характер Александра, как заметил Меттерних, был подвержен внезапным переменам, но ему были симпатичны религиозные идеалы Аллена и, хотя царь и любил православные обряды и песнопения, он тем не менее разделял некоторые квакерские взгляды на обрядность. Он мог доверять Аллену и его сподвижникам, будучи абсолютно уверенным в их надёжности. Аллен молчал о том, что он доверял лишь своему дневнику, так что отчёты о его встречах были опубликованы через много лет после того, как его и царя уже не было в живых. Было очевидным, что Аллен ничего не желал лично для себя, не стремился к тому, чтобы стать влиятельным, и у него не было соблазна получить что-либо, о чём он не говорил открыто. Русское духовенство во время Александра I, в том числе и лучшие его представители, участвовали в борьбе за власть. Министры и политики вкупе с аристократической верхушкой проводили свои взгляды, устраивали свои дела и карьеры, и не одна группировка в обществе вынашивала мятежные замыслы. Аллен же со своими друзьями и сторонниками были бескорыстными филантропами и проповедниками, которые не представляли никакой угрозы Александру I, его душевному и духовному благополучию.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАНКАСТЕРСКИХ ШКОЛ

Жизнь системы «взаимного обучения» оказалась короткой во многих странах, но была тем не менее полезной. Она дала многим молодым людям из бедных слоёв навыки чтения и счёта. Она давала начальное образование при относительно малых материальных издержках, хотя позже в России раздавались утверждения, что она вовсе не была такой уж дешёвой. Консервативные высшие слои общества во многих европейских странах видели в образовании едва ли не угрозу их status quo. В России ланкастерские школы, организованные декабристами, свидетельствовали о вере «прогрессивных» элементов в способность школьного образования приводить к положительным переменам в обществе. С другой стороны, метод взаимного обучения не мог не быть формальным и механическим. Он вёл к зубрёжке и лишал обездоленных учащихся возможности общения с настоящими школьными учителями, предоставляя их старшим учащимся, которые натаскивались тем же манером. Родители старших учащихся нередко жаловались, что их дети отвлекаются от собственной учёбы, поскольку

заняты преподаванием, хотя, как кажется, небольшие денежные суммы, выплачиваемые мониторам, могли несколько «подсластить пилюлю». Мы надеемся, что кто-нибудь из российских учёных продолжит более детальное изучение влияния системы ланкастерского обучения на образование в России.

* * *

Я хотел бы выразить мою признательность Вудбрукскому колледжу, Селли Оук, Бир-

мингем, за предоставленную возможность воспользоваться подборкой книг по Аллену и его трудам. Моя благодарность библиотеке Общества друзей в Лондоне за разрешение цитировать материалы их архивов, а также архиву Британского и зарубежного школьного общества, который сейчас находится в ведении Брунельского университета: см. www.bfss.org.uk. Прежняя версия этой статьи появилась в *History of Education* vol. 15., no. 3 за 1986 год, и я благодарен редактору за разрешение использовать материалы при написании статьи для российских читателей.

Перевод доктора педагогических наук Николая Белканова

Литература

1. Их собственные отчёты о методе см.: *Bell, Andrew*. An Experiment in Education, London, 1797, and *Lancaster, J.*, Improvements in Education as it respects the Industrious Classes of the Community [pamphlet]. London, 1803.
2. О ланкастерских школах в России см.: *Томашевская Н.* Ланкастерские школы в России // Русская школа. 1913. Март. С. 40–45, а также: *Греч Н.И.* Ланкастерские школы // Сын отечества. 1818. XXXII. С. 212–228; XXXII. С. 241–261; XXXIII. С. 3–13.
3. *Paterson John, D.D.* The book for Every Land, edited with a prefatory memoir by Alexander, W.L. (London, 1857). Эта книга Патерсона даёт живое свидетельство с точки зрения жизни британского подданного в Петербурге в 1812–1826 гг. Она остроумна, содержит интересные детали и поэтому часто упоминается в нашей статье.
4. Мемуары Патерсона дают сведения из первых рук об основании Российского Библейского общества. Больше в статье: *Judith C.Zacek*. The Russian Bible Society and the Russian Orthodox Church, Church History, 35(1966), 411–37.
5. *Hollingsworth B.* Lancastrian schools in Russia, Durham Research Review, 17 (September 1966), 59–74; *Zacek Judith C.* The Lancastrian school movement in Russia, Slavonic and East European Review, 67 (1967), 343–67.
6. Из отчёта комиссии Петербургского общества учреждения училищ по методе «взаимного обучения» — о состоянии училищ // Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге XIX — начале XX века. СПб.: Лики России, 2000.
7. «Белл-Ланкастерская система взаимного обучения» в Большой советской энциклопедии. Т. 3. М., 1970. С. 116–117. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона отдаёт приоритет Джону Веннингу и Саре Килхам относительно введения ланкастерской системы в России. В советское время сведения о школах Белла и Ланкастера даются в книге: *Базанов В.* Учёная республика. М.; Л., 1966. Базанов описывает исторические события как «разочарование» и упоминает единственного британского деятеля в связи с этим — Джеймса Херда.
8. *The Life of William Allen with Selections from his Correspondence* (3 vols., London, 1846); Benjamin Seebohm (ed.), *Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet*, 2nd ed (2 vols., London, 1861).
9. Библиотека Общества друзей. Дело 38/127. Копия выдержки из письма, описывающего беседу с императором России в 1814 году. Выражаю благодарность Библиотеке Комитета Общества друзей за разрешение опубликовать их материалы, а также Джулиусу Смиуту и Малколму Томасу за содействие в поиске необходимых документов.
10. Копии писем (серии), подписанных Греллетом и Алленом, описывающих их поездку по России. Цитата со с. 109.
11. *Paterson*, p. 304.
12. Библиотека Общества друзей, дело 38/126.
13. Архивы Британского и зарубежного школьного общества хранятся в West London College of Higher Education, Borough Road, Isleworth, Middlesex. Я подготовил короткое сообщение некоторых материалов, относящихся к России. См.: *Soviet Education Study Bulletin*, 4 (1986, 13–17).
14. *Paterson*, p. 182.
15. *Paterson*, p. 304.
16. Рассказ о деятельности квакеров в России см.: *Richenda C. Scott*. Quakers in Russia. London, 1964.
17. *Paterson*, op. cit., 284. См. также: *Henderson T.S.* Memorials of John Venning... с многочисленными замечаниями относительно (из рукописи) царской семьи в России. Александр I постоянно бывал в доме Веннингов и ему нравилось, чтобы к нему относились просто как к другу.
18. *Hollingsworth*, p. 68.
19. The Life of William Allen, II, 256–7, 267, 279–81, 293–9.
20. *Wheeler Daniel*. Memoirs of the Life and Gospel Labours of the Late Daniel Wheeler, a Minister of the Society of Friends (London, 1842), 73–4; *Paterson*, p. 312; *Henderson*, p. 269.